

УДК 821.161.1.09 – 31+929 Битов

«ЗАПИСКИ ИЗ-ЗА УГЛА» А.Г. БИТОВА КАК МЕТАПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Э.Ф. Тугушева

Саратовский государственный университет
E-mail: elmiratugusheva@gmail.com

В статье предпринята попытка проанализировать текст А.Г. Битова «Записки из-за угла» с точки зрения метапоэтики. На материале «Записок...» осмысливается понятие «метапоэтический текст», изучаются принципы организации внутритекстового пространства. В ходе исследования «творческого хронотопа» привлекаются метапоэтические данные других текстов писателя, в связи с чем выявляется особый авторский код.

Ключевые слова: А.Г. Битов, текст, метапоэтика, авторский код, «творческий хронотоп».

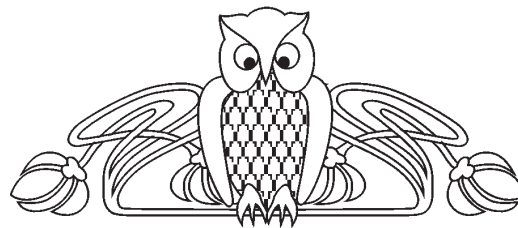
«Notes From Behind the Corner» by A.G. Bitov as a Meta-poetic Text

E.F. Tugusheva

In the article an attempt is made to analyze the text by A.G. Bitov «Notes From Behind the Corner» from the point of view of meta-poetics. On the basis of the «Notes...» the concept of the «meta-poetic text» is considered, the principles of the inner text space structure are researched. In the course of the «creative chronotopos» research meta-poetic data of this writer's other texts is drawn, in relation to which a special author's code is singled out.

Key words: A.G. Bitov, text, meta-poetics, author's code, «reative chronotopos».

В цикл «Дачная местность», написанный А.Г. Битовым в 1963 году, вошли всего два произведения – рассказ «Жизнь в ветреную погоду» и «Записки из-за угла». Цикл посвящен теме творчества, самосознанию писателя и духовным перипетиям в постижении истинной реальности, в обоих произведениях автор предельно честно размышляет над вопросами жизни и смерти. Исследователи творчества А.Г. Битова (П. Мейер, Э. Чансес) считают, что «Жизнь в ветреную погоду» и «Записки из-за угла» связаны между собой как дополняющие друг друга оппозиции. П. Мейер пишет: «... в то время, как повествование в первом из них движется в сторону утверждения жизни, повествование во втором посвящено смерти и отчаянию»¹. А Э. Чансес отмечает, что в «Записках из-за угла» сами даты записей «демонстрируют движение природы к смерти: первая запись датирована 18 июня, а последняя – 27 октября»². Обе исследовательницы говорят о том, что текст «Записок...» выражает настоящие переживания А.Г. Битова, а по жанру – это «журнал автора», «открывающий перед читателем возможность истолкования одного и того же сырого материала жизни»³. Соглашаясь с этим определением, но учитывая при этом специфику всего творчества

А.Г. Битова, мы можем предположить, что текст «Записок...» – это еще и своеобразный автокомментарий, рефлексия писателя на собственное творчество, а сам цикл «Дачная местность» – это метатекстовое пространство со своей особой метапоэтикой.

Собственно метапоэтика, по определению К.Э. Штайн, – «это поэтика по данным метаязыка (языка, на котором описывается язык-объект) и метатекста, поэтика самоинтерпретации автором своего или другого текста. Таким образом, это те тексты, в которых сам художник-творец выступает как исследователь или интерпретатор, вступающий в диалог с собственными текстами или текстами собратьев по перу – других мастеров»⁴. Код автора – ключевое, объединяющее понятие метапоэтики. Статьи, эссе, заметки о творчестве, трактаты, исследования – это, по определению К.Э. Штайн, собственно метапоэтические тексты. К.Э. Штайн, несмотря на то, что существующий словарь метапоэтики представляет «изучение поэтами собственного творчества и творчества других художников слова»⁵, отмечает также возможность изучения метапоэтики на материале прозаических текстов: «Особенность метапоэтического дискурса – открытое “я”, неотстраненность, отсутствие дистанции познающего субъекта по отношению к познаваемому объекту. Метапоэтика связана с искусством, порождена им, более того, эссе или статья подлинного художника – это подлинное произведение искусства. Так, эстетическая проза Пастернака неотделима от его поэзии и от его художественной прозы»⁶. В научных исследованиях идиостиля писателя известна попытка взглянуть на творчество прозаика под углом метапоэтики. Так, например, метапоэтика Ю. Трифонова рассматривается по внутренним и внешним ее данным: «Внутренние данные – это прежде всего рефлексия над словом, чрезвычайно характерная для всей прозы Трифонова. <...> Внешние данные – это критическая публицистика и мемуаристика, в которых, кроме высказываний о поэтике вообще и о творчестве других писателей, имеется аналитический разбор наиболее важных, с точки зрения Трифонова, черт нового стиля»⁷.

Представляется, что «Записки из-за угла» – это яркий пример метапоэтического текста. По сути, это один из ранних текстов А.Г. Битова, где началось формирование особого его авторского кода, который можно извлечь в более поздних

его текстах. «Записки...» – сложное и напряженное «письмо самому себе во времени»⁸, процесс, длящийся именно во времени, поскольку автору «Записок...», имеющих свою дату или час, важно уловить особый ритм, цикличность бодрствующего (пребывающего в состоянии роста) сознания. Следует заметить, что количество записок, объединенных заглавием «Из-за угла», равно двенадцати. Это представляется далеко не случайным, если понимать особое тяготение битовской поэтики к разгадыванию значений времени. Попытки уловить ритм своего творческого сознания становятся для автора личным опытом постижения духовной природы реальности. Этот опыт и определяет специфику пространства текста «Записок из-за угла», сотканного из размышлений А.Г. Битова о творчестве.

В диссертационной работе И.А. Якуниной «Записки из-за угла» рассматриваются наряду с повестью «Жизнь в ветреную погоду» и рассказом «Автобус». Все три произведения она исследует под знаком самоопределения «человека пишущего», определяет как «подступ писателя к метапрозе». И.А. Якунина пишет: «Нами отмечается смещение границ текстуальных миров: сознание писателя из “Жизни в ветреную погоду” оказывается полем самоанализа автора “Записок из-за угла”. А. Битов намеренно сдвигает “Записки из-за угла” из области художественного в область документального. Автор акцентирует внимание на двойственности сознания героя, который обнаруживает в себе автоматизм существования. Возможность спасения А. Битов связывает с осознанием нравственно-онтологических категорий “я-для-себя”, “другой-для-меня” (М. Бахтин)»⁹. Таким образом, по мнению И.А. Якуниной, в «Записках...» происходит процесс смещения художественного, что порождает «двойственность сознания героя», служащего самоопределению героя через разоблачение лживости жизни. Однако сам текст «Записок...» обнаруживает не просто смещение в сторону документального (кстати, о природе этой документальности И.А. Якунина не пишет), но смещение, а точнее, поворот, перелом, другой угол зрения самого автора. Поэтому говорить о «двойственности сознания героя», именно героя, в «Записках...», на наш взгляд, не совсем точно. Авторское присутствие в произведении концентрирует время и пространство текста в «творческий хронотоп». Поскольку метапоэтический текст создает не герой, не автор-герой, но сам А.Г. Битов, то и процесс письма – это своеобразный поиск, говоря словами Л.Я. Гинзбург, «какой-то еще непреодолимой новой адекватности жизни»¹⁰. Однако, как и сама жизнь, текст «Записок...» вырывается из-под контроля схематичных, поверхностных форм сознания, и А.Г. Битову становится сущностно необходимо «уловить за привычной видимостью некую подлинную фактуру существования, скрытую

постепенно отстоявшимися формами»¹¹. В записке от 18 сентября он пишет: «Сочинение мое выходит из-под надзора и охвата. Что я отражаю в нем, в целом, не знаю, но изменения интонаций и настроения за время, следовавшее за первой страницей, ощущал уже несколько раз, и теперь повествование мое как бы дневником становится. Никогда я его не писал и вот грешить начал, утешать себя, впрочем, можно: и тем, что выходит он дневником, как бы особым, и тем, что родился он органично»¹². Органичность – глубинный принцип метапоэтического текста А.Г. Битова. Особенности «творческого хронотопа», в котором разворачивается психологических сюжет творческих поисков писателя, проявляются и в самой композиции «Записок...».

Первые две записки «18 июня 1963» и «21 июня» объединены под заголовком «Угол», остальные двенадцать – «Из-за угла». Языковое толкование этих названий позволяет раскрыть веер возможностей в определении поэтико-смысловых соответствий между текстуальным и внетекстовым, искусством слова и жизнью слова. Итак, угол как свое место, дом, угол как фигура, являющаяся мерой измерения в геометрическом смысле, или как угол зрения, который можно представить мерой измерения ментального. Свой угол, свое место в литературе А.Г. Битов в «Записках...» 1963 года описывает через сон, как смутное ощущение псевдореальности, которой противополагается бодрствующее сознание: «Приснился мне сон. Словно бы какое-то собрание. Помещение, как всегда во сне, было неопределенным: не то зал, не то подвал, то ли много раз мною посещаемое, то ли я оказался там впервые, – собрание вроде писательское. <...> Собрание, по всей видимости, носило идеологический характер. Какие-то там кипят страсти, кто-то подличает, кто-то лезет; кто и что – не помню, только – мерзко» (129). Автор вдруг обнаруживает себя в чистом, детском узнавании того, что родственно не по идейным соображениям, а по сути самой жизни, и радуют автора не идеи, пришедшие к нему во сне в «трансе искренности и слепоты», а его маленькая дочь, впервые проговорившая ему «па-па». Таким образом, первая записка сосредоточила в себе миг пробуждения, который уже во второй записке обернется метафизической загадкой о «процессе, который мы ощущаем как несправедливость», непостижимом настолько, что приходится мириться с результатом «нелепо, страшно, дико, глупо, случайно – ладно!». А.Г. Битов ищет понимания, в чем же заключается собственно несправедливость: «В том ли, что не было приговора, или в том, что тебе его не зачитали? В том ли, что ты не согласен с ним, или в том, что ты не признаешь права именно этого суда выносить его тебе? В том ли, что ты боишься умереть, или в том, что ты не готов к этому? В том ли, что нет причины, или в том, что ты не понял ее?» (132). Все эти обращенные к личному опыту вопросы А.Г. Битов

так или иначе ставит и в других своих текстах, как художественных, так и эссеистических. Особенным образом они зазвучат в «заповедном пространстве» романа-странствия «Оглашенные», опубликованном в 1993 г.

Остальные двенадцать записок представляют собой преломление авторского сознания в зеркале письма – собственно «творческом хронотопе». Устойчивое выражение «из-за угла» имеет значения «скрытно», «с противоположной стороны», «с другой точки зрения». Однако текст «Записок...» не ограничивается самонаблюдениями автора – его сознание не дробится и даже не раздваивается, а напротив, все записки – это установка связи, поиск ритма творческой памяти, единицей измерения которой является слово. Именно слово, а не та или иная идея, становится единицей измерения духовной реальности, которая по природе своей созидательна. А.Г. Битов пишет: «Одна из лжей, обрекающих человека на несоответствие и мучение, заключается в том, что идея способна изменить мир. Мир меняется, а не идея. Идеи же существуют всегда. Их потребляют люди, не знающие слов, и им кажется тогда, что поступки их наполняются содержанием и направленностью» (134). Сила искусства, по мнению автора «Записок...», заключается в способности к обновлению. Художник «приносит свои плоды и роняет их в землю, и они приносят новые плоды, не лучше и не хуже, одинаково прекрасные и неповторимые и отличающиеся лишь тем, что они существуют в настоящем времени, словно бы всего лишь “переведенные на язык современности”, но это только – словно бы, потому что рождаются они всегда как впервые сказанное слово» (135). С одной стороны, данный творческий принцип А.Г. Битова определяет как универсальный, с другой стороны, это его собственный метапоэтический принцип «письма самому себе во времени»¹³.

«Творческий хронотоп» А.Г. Битова выражается также в отношении к смерти – сложнейшей категории, постижение которой открывает многие смыслы жизни и творчества. Таким образом, метапоэтический текст включен в эпистемологическое пространство – «ментальное пространство, связывающее текст с реальным миром, который опосредуется в тексте...»¹⁴. Размышления А.Г. Битова о феномене человеческого сознания – это размышления о языке. В мире духовных ценностей язык не зеркало, но источник для «тех немногих слов..., что существуют глубокой и вечной жизнью». А.Г. Битов показывает, что часто сознание – это далеко не источник, а порой даже преграда на пути естества: «Мы, конечно, создаем духовные ценности, потому нам эти слова необходимы, мы трясем ими, но используем их, осознаем их на глубину лужи, по смутным и гонимым воспоминаниям зимы нашего сознания, далекие и сытые, мы сами же затираем эти вечные слова, чтобы следующей

зимой безнадежности и оглядки на свои же дела еще раз устыдиться, на что же мы их разменяли. Мы живем, и делаем, и говорим на другом языке, спящего и сытого сознания» (137). Предельная честность перед самим собой в попытках дать отчет тому, что лживо не по природе, но по идейным наслоениям, позволяет сделать автору «Записок...» вывод о смерти: «Смерть естественно завершает жизнь. Человечество естественно придет к своему концу. И солнечная система тоже. И нет в этом никакой трагедии перед лицом Природы и всего лишь трагедия одной особи, наделенной сознанием и не справляющейся с ним» (140). В романе-странствии «Оглашенные» этот вывод получает развитие: определяя современную цивилизацию как эсхатологическую, автор ищет пути выхода из замкнутого на себе сознания в духовной цельности человека, в основе которой – вера, что все в Руце Божьей.

«Записки из-за угла» – начало своеобразного духовного странствия, которое длится на всем творческом пути А.Г. Битова. Именно в этом раннем своем тексте он пишет: «...путь, который я осознал себе в последнее время, заключается в том, что я стремлюсь написать правду о самом себе, ибо это единственная из доступных мне правд, и она становится всеобщей, если достигается...» (143). Такой внутренний подход нацелен не только на самоопределение и поиски своей повествовательной идентичности. «Творческий хронотоп», состоящий из очевидных автоинтерпретаций, держится на внутренней, органичной духовным задачам писателя необходимости говорить правду. Так, авторское «Открытое письмо писателю Р.Г. из Ленинграда и читателю Владимиру Крохе из Таганрога» – это своеобразный, ироничный диалог с представителями современной литературы. Не столько отчуждение, сколько ирония звучит в словах автора: «Только уж ты, Р., не снись мне, пожалуйста. А то что такое, приснился – и руки не подал. Я тебе говорю: за что? А ты мне: сам знаешь, за что. Что за манера такая! – как хорошо сказал т-ский писатель Солженицын. – Не объяснять простому человеку, в чем дело. Ты не подал, а за тобой и В.И. пыльным чубиком тряхнул и сунул руки в карманы как можно глубже. И Д. тут же короткие свои лапки прячет. Мы, говорит он, вперед ушли, мы литературу мысли создаем, новая система координат у нас, информация-фуяция, а у тебя система координат старая, ты к нам не подмазывайся, ты все чувствешки да ошущеньица, ты мертвый уже...» (157). А.Г. Битов в разговоре с современниками с особой остротой писательского зрения передает саму многослойность реальности. Но в сущности диалогизм А.Г. Битова – это осознание им смысла его собственного писательского творчества. Писатель неизбежно для самого себя включает в ткань создаваемого эссе прежний опыт, и психологический, и художественный: «Еще я вспомнил, что изображение засыпания сознания,

замены сознания рефлексом, жизнь интеллигента без интеллекта, столь, как мне кажется, для нашего времени характерная, – все это уже давно преследует меня как тема, что видно и в “Пенелопе”, и в “Саде”, и “Жизни в ветреную погоду”» (169). Сущность этой писательской чувствительности к «темам», преследующим автора как жизненные задачи и загадки, заключается в его понимании того, что есть «автообман» (172). В двенадцатой записке А.Г. Битов показывает, что пробуждение сознания равноценно молитве. Концептуальное единство всех записок автор выражает в признании своей человеческой беспомощности перед неизбежностью смерти, признании того, что причиной утраты Божественного в жизни является лишь сам человек, смотрящий «на себя, а не в себя», соревнующийся с другими, но не ищущий связи. Из трудного процесса пробуждения рождается в этой молитве особое знание, которое «становится реальностью, а не миражом соизмерений с ближним, не автовозвышением, а объективной мерой» (174). А.Г. Битов не говорит прямо о том, что знание это религиозно, однако остается несомненным, что текст «Записок из-за угла» – это опыт веры и в смысл собственного творчества, и в Божественный смысл всего сущего.

УДК 821.111(680).09- 312.6+929 Кутзее

ДЖ.М. КУТЗЕЕ, ЮЖНОАФРИКАНЕЦ: АВТОБИОГРАФИЯ «ДЕТСТВО»

К.А. Григорьева

Институт филологии и журналистики
Саратовского государственного университета
E-mail: grigoryevakristina@gmail.com

На материале автобиографии «Детство: сцены провинциальной жизни» анализируются истоки формирования личности писателя Джона Максвелла Кутзее на фоне социально-политических конфликтов в Южной Африке конца 1940-х – начала 1950-х гг.

Ключевые слова: постколониальная литература, писательская автобиография, Дж.М. Кутзее, Южная Африка, апартеид.

J.M. Coetzee, a South African: Autobiography «Childhood»

К.А. Grigoryeva

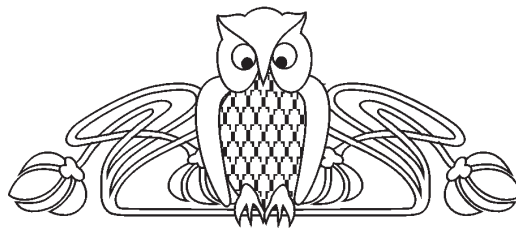
In the article, based on the autobiography «Childhood: Scenes from Provincial Life», the process of J.M. Coetzee's personality shaping against the background of the South African social and political conflicts in the end of the 1940s – the beginning of the 1950s is examined.

Key words: post-colonial literature, literary autobiography, J.M. Coetzee, South Africa, apartheid.

Джон Максвелл Кутзее (род. 1940 г., Кейптаун, ЮАР) – англоязычный писатель, критик,

Примечания

- 1 Цит. по: Чансес Э. Андрей Битов: Экология вдохновения. СПб., 2006. С. 78.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 80.
- 4 Штайн К., Петренко Д. Русская метапоэтика: учеб. словарь. Ставрополь, 2006. С. 21.
- 5 Там же. С. 9.
- 6 Там же. С. 23.
- 7 Санджи-Гаряева З., Романенко А. Метапоэтика Юрия Трифонова // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Саратов, 2008. Вып. 2. С. 245.
- 8 Битов А. В четверг после дождя (Дневник прозаика). Стихотворения. СПб., 1997. С. 6.
- 9 Якунина И. Повествовательная идентичность в прозе А. Битова 1960-х – 1970-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. С. 9.
- 10 Гинзбург Л. Литература в поисках реальности. Л., 1987. С. 32.
- 11 Там же.
- 12 Битов А. Империя в четырех измерениях. I. Петроградская сторона. Харьков; М., 1996. С. 149. Далее ссылки приводятся на это издание с указанием страницы.
- 13 Битов А. В четверг после дождя. С. 6.
- 14 Штайн К., Петренко Д. Указ.соч. С. 43.

лингвист. На сегодняшний день опубликовано 12 его романов, несколько сборников критических и публицистических эссе и три тома автобиографической прозы. Все романы Кутзее удостоены литературных премий, кроме того, он стал первым автором, которому дважды присудили самую престижную награду в мире английской литературы, Букеровскую премию (в 1983 г. за роман «Жизнь и время Михаэла К.» и в 1999 г. за роман «Бесчестье»). Знаком признания вклада в литературу стало присуждение ему в 2003 г. Нобелевской премии.

Творчество Кутзее многогранно и оригинально. Как справедливо отметили члены Шведской королевской академии, «в его творчестве нет двух книг, созданных по одному рецепту». Однако в основе его романов – опыт детства и юности, проведенных в Южно-Африканском Союзе, который с 1961 г. превратился в Южно-Африканскую